

Самым информативным и важным в разговоре оказалось упоминание о том, что Цзин Ли исчез именно тогда, когда пошёл в туалет. Нью Усе, расспросив сотрудников «Майдан-дан», выяснила, что он отправился выносить мусор, и немедленно запросила записи с камер наблюдения.

Камеры охватывали только вход в заведение, и конкретных деталей происшествия на них видно не было, но удалось установить место, где Цзин Ли похитили, — после выхода он так и не вернулся.

Улица с мусорными контейнерами, помимо заднего выхода из «Майдан-дан», имела ещё два переулка. Нью Усе также запросила записи с камер на этих переулках, и все внимательно изучали временной промежуток исчезновения Цзин Ли, высматривая подозрительных людей.

Внезапно девушка, работавшая с Цзин Ли, резко вскочила, с грохотом опрокинув стул, и, тыча пальцем в экран, воскликнула:

— Я видела этого человека! Он заходил к нам в магазин.

— Ты уверена? — переспросила Нью Усе.

Девушка кивнула с уверенностью:

— Абсолютно. Он странно ходил кругами, и я заподозрила, что он вор, поэтому долго за ним наблюдала. Потом он подошёл к Цзин Ли. В тот момент пришли другие клиенты, и я не расслышала, о чём они говорили, но он всё время странно опускал голову. У Цзин Ли не было опыта, и, если бы я раньше заметила неладное, возможно, этого бы не случилось.

Глаза девушки наполнились слезами. Нью Усе встала, похлопала её по плечу:

— Ты уже очень помогла.

Сразу после этого она позвонила в полицию.

Хотя съёмочная группа хотела скрыть инцидент, теперь, когда подозреваемый найден, стало ясно, что он мог сделать с Цзин Ли что угодно. Если бы с ним действительно что-то случилось, им бы не избежать ответственности, поэтому, когда Нью Усе вызвала полицию, никто не стал возражать.

Цзин Ли не знал, что Нью Усе уже вышла на подозреваемого, но был уверен, что все очень за него переживают.

Не желая давить на юношу, они спокойно поужинали.

Цзин Ли замечал в юноше противоречия: с одной стороны, тот был насторожен и не развязывал верёвки. С другой — когда Цзин Ли, опасаясь отравленной еды, медлил с началом трапезы, юноша словно не замечал этого, ел сам и даже подкладывал ему в тарелку, не проявляя ни капли раздражения.

В любом случае, еда оказалась безопасной, что подтвердило догадку Цзин Ли: юноша не хотел причинять ему вред.

После ужина юноша, напевая, принялся убирать посуду. Цзин Ли узнал мелодию — это была его новая песня «Воспоминания».

Внезапно он вспомнил: перед тем как его связали, он спросил юношу, как его зовут. Тот

ответил: «Э Цзяо». А впал в ярость и оглушил его юноша как раз после того, как Цзин Ли стал яростно отрицать, что он — Э Цзяо.

Решив действовать наугад, Цзин Ли осторожно позвал:

— Э Цзяо?

Юноша естественно поднял на него взгляд:

— Что?

Если юноша считает себя Э Цзяо, то, возможно, обращаясь с ним как с Э Цзяо, можно снизить его бдительность.

Цзин Ли мягко сказал:

— Ты приготовил ужин, может, мне стоит помыть посуду? Раньше, когда мы ели вместе, мы всегда так делали.

Юноша, казалось, немного задумался, затем улыбнулся:

— Верно, я готовлю, а ты моешь посуду.

С этими словами он протянул тарелку прямо к его носу.

Цзин Ли не взял её, смущённо ответив:

— Но мои ноги связаны, я не могу пойти помыть посуду. Э Цзяо, можешь развязать меня?

Юноша поколебался, тупо уставившись на тарелку в руках, затем поставил её в сторону и присел, чтобы развязать верёвки на ногах Цзин Ли.

Получив свободу, Цзин Ли взял тарелку и направился на кухню.

Юноша жил в небольшой двухкомнатной квартире метров на шестьдесят. В гостиной, где они только что ужинали, висела семейная фотография: юноша, сияя улыбкой, сидел на руках у родителей. Это была единственная фотография в доме.

Зато во всех комнатах, включая кухню, были развешаны плакаты с изображением Цзин Ли — от начала карьеры до настоящего времени. Он даже не знал, что в те годы выглядел так экстравагантно.

Единственный выход находился между кухней и гостиной. Когда Цзин Ли с тарелкой вышел, юноша не двинулся с места, словно настоящий Э Цзяо, позволив ему одному заняться посудой.

К этому моменту Цзин Ли уже понял: у юноши явно были проблемы с психикой. Вероятно, он увидел в интернете информацию об их популярной паре, и это его сильно взволновало.

Цзин Ли открыл кран на полную, помыл несколько тарелок и, убедившись, что юноша не подошёл, осторожно обернулся. Тот по-прежнему сидел в комнате.

Это придало ему смелости.

Найдя на кухне небольшой нож, он сжал его в руке и крадучись направился к двери.

Если он попытается открыть дверь и сбежать, человек в гостиной обязательно заметит. У него был только один шанс, и нужно было действовать наверняка.

С его угла обзора было плохо видно, но, казалось, юноша сидел спиной. Улучив момент, Цзин Ли бросился к двери.

Хотя шаги были бесшумными, звук открывающегося замка был неизбежен.

Сердце Цзин Ли ёкнуло — послышались шаги, юноша заметил! Он заторопился, но в панике движения стали только медленнее.

— Ты... сбегаешь!

Голос юноши прозвучал резко и пронзительно. Он бросился к двери. В последний миг Цзин Ли открыл замок и выскочил наружу.

Оказавшись снаружи, он понял, что это, вероятно, был дом, предназначенный для сноса. Ни одна из дверей вокруг не была отделана, и, казалось, здесь никто не жил. Он побежал вперёд, отбросив мысль о помощи соседей.

К счастью, коридор был недлинным, и вскоре он достиг лестницы.

Юноша преследовал его по пятам. После долгого сна и действия остатков препарата Цзин Ли не мог бежать быстро, и расстояние между ними сокращалось. Он слышал своё тяжёлое, хриплое дыхание, но знал: останавливаться нельзя — если его поймают, он, возможно, никогда не выберется.

Юноша быстро настигал. Цзин Ли бежал вниз по лестнице, не оглядываясь, и несколько раз рука преследователя касалась его плеча, но он отбивался.

Внезапно юноша схватил его за край одежды. Цзин Ли изо всех сил дёрнулся, чтобы освободиться, но потерял равновесие и, словно мяч, покатился вниз.

Каждый удар отзывался в костях мучительной болью. Он чувствовал, что, возможно, не переживёт это.

В это время в «Майдан-дан» Э Цзяо внезапно поднял голову, его глаза стали алыми, и в следующую секунду он исчез в воздухе.

Цзин Ли почувствовал, что затылок стал влажным. Что-то тёплое и жидкое сочилось наружу, унося с собой остатки тепла тела.

В ушах стоял тяжёлый, прерывистый хрип. Да, он же пытался сбежать. Осознав, чьё это дыхание, он попытался подняться, но малейшее движение вызывало невыносимую боль в ноге.

«Наверное, выгляжу ужасно», — подумал Цзин Ли.

Но теперь, казалось, уже не имело значения, сбежал он или нет. Он чувствовал, что, вероятно, умрёт здесь, и не знал, сможет ли Э Цзяо найти его после смерти.

Возможно, он так сильно думал об одном человеке, что перед глазами появился его образ.

Цзин Ли с трудом выдавил улыбку:

— Э Цзяо.

Но этот образ был настолько реальным, что сила и тепло, с которыми он обнял его, казались настоящими.

— Я — Э Цзяо, а он — нет! Он — нет!

Он с трудом повернул глаза и увидел, что юноша всё же догнал его.

Но такая бурная реакция, то, как юноша указывал на что-то позади... Неужели?

Из последних сил он приподнял подбородок и увидел: его действительно обнимает Э Цзяо. Он пришёл.

В тот же миг последние силы покинули его тело, веки налились свинцом. Последним, что он увидел, были алые глаза Э Цзяо.

Стало холодно, словно его бросили в воду. Он погружался всё глубже, и после вспышки удушья мир погрузился в тишину.

Цзин Ли открыл глаза. Над ним был старинный потолок с деревянными балками.

— Бессмертный Владыка Цзин Ли.

Услышав голос, он повернул голову и увидел у кровати мужчину в древнем наряде с собранными волосами. Лицо было незнакомым, но... титул «Бессмертный Владыка Цзин Ли» звучал знакомо.

Вспомнив кое-что, Цзин Ли тут же сел на кровати.

<http://bllate.org/book/15943/1425143>